

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБ: ОТ ГОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО К ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ НАСТОЯЩЕМУ

«Замечательная птица прилетела в Россию четыре с половиной столетия назад... Геральдика, мудрая наука о гербах, в точном соответствии с характером каждой эпохи изменяла внешний вид этой символической птицы. Когда беспризорный орел только что рухнувшей в Босфор Византийской империи осторожно присел на третьесортную корону Ивана Третьего, подозрительно осматриваясь обеими своими маленькими и придурковатыми головами (новое царство оказалось не из завидных!), - этот геральдический эмигрант далеко еще не был в теле: крылья его были вяло опущены, перья, выщипанные османами, редки, лапы тощи, дай бог только прокормиться в сермяжьем царстве! И только когти алчно растопырились, обещая приютившему птицу московскому боярству оправдать себя в будущем. И первой добычей затрепыхался в этих когтях Господин Великий Новгород, обогнавший неповоротливую Москву... - первая республика, слопанная подрастающей монархией. Иван Грозный воткнул для верности в загривок орла православному шестиконечный крест. От этого удара головы орла хищно вытанулись в стороны, - к Сибири и к Ливонии, в сильнейшем желании отколупнуть добрый кусок в хозяйство первого российского царя. Но загудели крестьянские бунты - и пришлось орлу, как спугнутой курице, скакать с одной царской головы на другую.. Из этой переделки птица вынесла мудрый опыт: двух корон на головах оказалось мало, - и осторожная геральдика напялила на орла третью, сменившую собой шестиконечный крест. Тогда всем стало ясно, что не богом единым жива будет российская держава, но и твердой царевой властью.

В лабазном складе тишайшего Алексея Михайловича орел, прикормленный торгующим боярством раздобрел. Под огромной своей короной, как под ярмарочным навесом, он расположился прямым сидельцем бойкой лавки, постукивая по непокорным головам скипетром и крепко ухватив в левую лапу державу, круглую, как медный пятак. Пора было подумать о том, как выбраться из Охотного ряда в Европу. И тогда герольдмейстерская контора впервые подняла двуглавному орлу опущенные крылья. Он опять похудел, но теперь это уже была мускулистая худоба натренированного хищника. Цепь Андрея Первозванного, пожалованная первым российским императором, побрякивала на его сильной груди, когда он, вместе с Петром, метался от азовских берегов до новорожденной столицы на нееских болотах в поисках торговых путей.

Потом он присел на крышу Екатерининского дворца, чистя клювами перья, забрызганные кровью пугачевских восстаний и бесчисленных ту-

рецких войн. Дворянство окрепло. Оно охотно предоставляло императрице своих крепостных в бесчисленные рекрутские наборы. Армия напирала на турецкие и польские границы, отодвигая докучную их преграду на запад и на юг и принося из походов на лихо поднятые крылья орла, новые гербы покоренных царств.

И тогда из Крыма впервые потянул в Петербург влажный ветер Черного моря, щекоча орлиные ноздри сытным запахом платежеспособного европейского рынка. Орел повел одной головой на юг, упершись немигающим своим глазом в узкую щель Босфора. Другая голова тревожно смотрела на запад. Там наполеоновская блокада зажала рот российского торгового капитала. Дворянство, как на охоте, замахло красноколышными фуражками на императорского орла, сгоня его на новые войны:

- У-лю-лю... ату его!

И он взлетел, подчиняясь, и приобрел в этом полете тот широкий размах крыльев, который напоминал ему и в Европе недавнее надменное паренье над Лейпцигом, Берлином, Парижем и Веной, - распластанный и изящный Александровский орел. Геральдика, прислушиваясь к почтительному хору европейских держав, тотчас сменила в его лапах пятак державы и дубинку скипетра на многозначительные громовые стрелы и лавровый венок...

Однако все же дубинка была привычнее, чем романтические громовые стрелы. И николаевский орел поспешил поднять с Сенатской площади вырonnenный новым царем скипетр, мокрый от крови восставшей гвардии, и напоминающей занес его над страной, как шпицрутен. Николай Первый исправно кормил птицу сырым мясом из собственных рук; перья ее встопорчились, клювы заострились, головы опять вытянулись к черноморским проливам и к Европе, - и никому уже не узнать в этом жестоком, хищном и властном орле-стервятнике флегматичного, откормленного каплуна времен тишайшего лабазника. Камнем, сложив крылья, падает он на восставшую Венгрию, одним ударом приканчивая революцию; широкими кругами ширяет над Кавказом, разоряя гнезда горных племен; хищная его тень покрывает Персию, угрожая английским деньгам, наводнившим персидские рынки. Империя цветет, богатея и ширясь, крылья орла опять вздымаются кверху в нестерпимой гордости самовластья; империя грабит своих и чужих, грабит армиями, дешевым хлебом, водкой, жандармами, мануфактурами, департаментами.

Но колеса истории, скрипя, окончательно сворачивают с древней феодальной дороги на рытвины малоезженного капиталистического пути, и императорский престол пошатывается на своей исторической колеснице, роняя в страну от этих толчков вынужденные реформы. Ими устилают путь. Орел кровоточит: крымская кампания, первое поражение распухшей монархии... Две головы орла вступают в озлобленное противоборство, помещики и молодая буржуазия царапаются во внутренней борьбе, временами мирясь, чтобы вместе расклевать общего врага, подымающегося внутри измученной страны: революцию... Жирная

и громоздкая, (царственная птица), подобная новому своему хозяину - Александру-миротворцу, уселась на империю, от края до края раздирая острыми когтями растущую революцию.

Но, снова согнанный с нашеста криками российских банков, отвыкший летать, развевшийся на домашних хлебах, круглый орел тяжело и неохотно летит на восток за десять тысяч верст в неверную колониальную авантюру. Порт-Артур! - второе поражение, военный крах, позорный самодержавием... Когда ты видел такие годы, черный с золотом императорский орел? Почему геральдика не присвоит тебе новые атрибуты победы - виселицу и нагайку? Новые знамена прикутили тебя на своих полотнищах, новая надежная императорская гвардия, - «Союз русского народа», - черная сотня купеческих молодцов победно проносит тебя на хоругвях по усмирленным погромами Гомелю, Кишиневу, Белостоку, Седлецу. Черная сотня идет по пылающей России, закрепляя боевые победы Семеновского полка, черная сотня возвращает орлу Одессу, Москву, Кронштадт, Свеаборг, царство Польское, Красноярск, Иркутск и площадь Зимнего дворца. И на башенке его, обращенной к сырым казематам Петропавловской крепости, вновь спокойно и грузно присел вспоенный кровью, мясом вскормленный, зубчатокрылый двуглавый орел, накапливая в острых когтях нестерпимый военный зуд.

И теперь он опять смотрит на проливы и на Европу хищным полубезумным взглядом красноватых глаз. Освеженная французскими займами позолота блестит на его перьях: Георгий Победоносец бодро скачет на тонконогом коне навстречу победам. Гербы покоренных царств теснятся на крыльях, очищая место турецкому полумесяцу, данцигским ключам и галицийским колосьям. Двуглавый орел шевелит крыльями, готовясь к своему пятьдесят третьему боевому полету...

Но побед не будет. Год Цусимы и Порт-Артура висит на крыльях орла неодолимым грузом истории. Военное могущество двуглавого хищника оказалось мишурным. Он сам себя сожрал, пытаясь ударами крепких клювов задержать движущий Россию исторический ход...

Он обречен, победоносный некогда императорский военный орел. Первые залпы в Восточной Пруссии обнажат страшные язвы системы, прикрытые его золочеными крыльями. Мазурские болота засосут целиком его верную опору - гвардию. В армию хлынут, гонимые ударами цепких когтей, новые ненадежные кадры. Царь, в последней надежде на военное чудо, протягивает сегодня руку смерти, отдавая ей по тысяче людей за каждое перышко четырехсотлетнего орла...

Зубчатокрылый императорский орел о двух яростных головах был оттиснут на корме «Генералиссимуса» (боевого корабля - И.Б.) подобно фабричной марке некоей солидной фирмы. Он гарантировал военное качество... - победу, удостоверяя принадлежность корабля к российскому императорскому флоту, - флоту Нахимова, Лазарева, Сенявина, флоту Наварина, Гангута и Варны. Это был фальсификат, потому что доверие к этой фабричной марке было подорвано Цусимой и Порт-Артуром, но какая солидная фирма стесняется удостоверить своей

маркой явно негодные к употреблению вещи?

Эта круглая марка чернью и золотом: «сделано в империи», имела достаточный авторитет...

Могущество державы российской и краткая формула ее силы: «православие, самодержавие, народность». Самозабвенный патриотизм и идея родины, идея цивилизации и культуры, бурным лопухом прущая в стекляннное небо банковских и биржевых зал на жирном черноземе четырнадцатичасового рабочего дня. Нераздельность и единство ста восьмидесяти шести входящих в состав империи народностей, восторженно умирающих в огненных купелях отечественной, крымской, японской войн. Десятки тысяч верст поблескивающих рельс, запечатленных на ленивой спине скифских и славянских степей, как след кнута... Единственная в мире армия умеющая босиком ходить по Европе до Италии и по Азии до Пекина и побеждать голыми кулаками. Величественная простота православной церкви, охраняющей заветы Христа от торггашевских инстинктов иезуитов и от растлевающего свободомыслия лютеран. Исторический великодержавный путь славянства от Киева до Византии, щит Олега на дарданельских фортах. Знак доверия народа - кредитные билеты, равные по силе золоту. Памятники, памятники, памятники - великих царей, гениальных полководцев, непрерываемых побед, гуманных реформ. Утирающий слезы вдов и сирот платок первого шефа жандармов. На всем этом плотно и удостоверяющее стоит круглый оттиск солидной фабричной марки чернью и золотом: «сделано в империи».

И на распухающих в бесконечной смене недородов и неурожаев крестьянских животах, на согнутой в варварском труде спине российского мастеравого, на казенных фронтах острогов и тюрем, где содержится 185489 человек, нарушивших священный закон частной собственности или пытавшихся уничтожить ее путем революции, на бесчисленных могилах девяносто пятого года - стоит выжженная огнем карательных отрядов та же солидная фабричная марка чернью и золотом: «сделано в империи»... он был окаянным символом царской власти, примелькавшимся на бляхах городских знаков насилия, неотделимым признаком многих вещей, ненавистных с детства: монополюки, где орел смотрел с зеленой вывески, холодно наблюдая трагедию пропиваемых грошей; волостного правления, куда тащили спасенные от отцовского запоя деньги; полицейского участка; адмиральских погон; заводской котторы, балтийского флотского экипажа...»

Так, весьма талантливо оболванивали советского обывателя, промывая ему мозги, пропитывая его ядом ненависти к нашему прошлому, русской истории и прежде всего, к его эмблемам. И такая политика и литература приносили успех. Государственный орел, постепенно забывался, становился неким реликтом далекой и уже ненастоящей жизни, почти потусторонней, нереальной. Десятилетиями народ привыкал к издевательствам над исторической государственной эмблемой, карикатурам на нее, ее охаиванию. В стране эффективно прошла кампания по уничтожению рос-

сийского государственного герба - он довольно быстро исчез с документов, зданий, улиц и мест скопления народа. С тех пор о двуглавом орле можно было говорить только в стиле райка, фарса. Приведем один лишь пример на упаковке мыла московской фабрики «Красный Пролетарий» было обнаружено изображение двуглавого орла (или его подобия), что и дало повод родить целую поэму о том, как на первомайский праздник некто купил кусок мыла, где «... на мыле - на советском-то! Двуглавый, глянть - орел?...» Автор и герой, (что, видимо, одно и то же) долго не может успокоиться по поводу «птичечки *разбойника* царя». Концовка же звучит так: «Долой эмблему гнусную / Как всюду, так и тут! / Гнилю двуглаво царскому / Во век веков капут»².

Многие журналы двадцатых годов, и прежде всего сатирические, пестрели публикациями - доносами о том, что в том или ином месте еще не уничтоженным осталось изображение орла. Это были театры, аптеки, разные бытовые обертки и проч. На все эти факты обязательно живо откликнулись назидательными статьями, стихотворными эграммами, приблизительно такого свойства: «Эти пакостные птицы / Загрязнили все углы / Из рабочей из столицы / Прочь - двуглавые орлы!»³

Или: «Братве пролетарской / (Намотай на ус) / Карамели царской / Неприятен вкус!»⁴

Таких примеров - масса, и все они служат подтверждением мысли о том, что до начала тридцатых годов целенаправленной, к планомерной и активной борьбе против русского государственного орла и придавалось самое серьезное значение и внимание. Прежде всего, конечно, это был вопрос идеологии. В более поздние времена 60-70 годов тоже совсем не редкостью были газетные заметки, типа «Зря надеялись», где рассказывалось, как в Вышнем Волочке при реконструкции здания в тайнике были найдены «четыре огромных металлических царских (обратите внимание: орлы обязательно именуются царскими - И.Б.) герба по полцентнера весом каждый». Статья заканчивается патетическими словами о том, как «зря надеялись фабриканты и их прислужники! Шестьдесят лет пролежали в тайнике символы самодержавной власти... и увидели свет для того, чтобы попасть в краеведческий музей.

Все эти беспрецедентные мероприятия по дискредитации русских государственных эмблем конечно, достигли своей цели. Постепенно он забывается в народном сознании, становится достоянием только историков и музейных работников. Seriously, или тем более, научно о двуглавом орле не принято было говорить и писать. В ходу были лишь публикации с весьма фривольными заголовками типа: «Майна-Вира или исследование о том, как двуглавый орел крыльями махал»⁵. Исключением из этих правил советского официоза пожалуй выглядит статья «Седая древность и символика российского герба», опубликованная в 20-е годы⁶, которая начиналась так: «В тот день, когда в Петербурге предавали уничтожению деревянные крашенные и золоченые крылатые гербы, русские войска находились в Месопотамии, в том месте, на котором сорок два века назад суще-

ствовало государство Ширпурла или Лагаш, гербом которого был двуглавый орел».

Геральдика постепенно начинает уходить из общественной жизни россиян, что стало очень заметным, когда наконец в обществе снова возник интерес к прошлой государственной эмблеме. Статьи, направленные на обсуждение возможности возврата ее в активную жизнь, к сожалению, несут в себе семена нигилизма и геральдического невежества. Это иллюстрируют и сами их заголовки: «России нужен орел, а не оципанная курица»⁷, «Надо ли наступать на те же грабли?»⁸, «Может ли быть гербом Российской Федерации двуглавый орел, хотя и «подобнее»»⁹ и т.д.

Иными словами, к моменту официального возврата традиционной геральдической государственной эмблемы мы находились далеко не в лучшей духовной и юридической форме. Это наглядно демонстрирует нам пример с неким гражданином, директором клуба «Бублики» - Владимиром Свириным, который, пользуясь несовершенством нашего законодательства, сумел якобы зарегистрировать и запатентовать государственного двуглавого орла, как свой личный знак. Сейчас он пытается рассмотреть вопрос о подаче в суд на Центробанк, т.к. на русских деньгах находится его личный знак - двуглавый орел. Якобы с известным современным адвокатом Генри Падвой этот человек пытается сейчас проработать нюансы такого процесса¹⁰. Может быть так оно и есть, несмотря на то, что это все звучит и выглядит как скверный анекдот и дурной сон.

С удивлением и недоумением мы наблюдаем, как в начале 90-х годов многие организации, не задумываясь имеют ли они право или нет, стали присваивать себе в эмблему государственного орла безбоязненно перевирая и уродуя его. Прежде всего это относилось к различным банкам, фондам и проч. Орел у этих организаций был самой разной, зачастую фантастической формы. Его могли венчать традиционные короны, но в то же время они могли легко замениться на почему-то встающее солнце (Московская Академия Бизнеса). Орел мог быть и вообще без корон (Акционерный коммерческий Славянский Банк, Международная финансовая Компания Reiter MTV Group, Российский Ковровый Центр, Первый Русский Банк, Российская Внешнеторговая Компания, Федеральный Фонд программы жилья, Биржа «Российская Бумага», Биржа «Находка», Нижегородская Биржа, Негосударственный пенсионный Фонд «Русский Полис», фирма «Фортрейд» (поставки заводов мировых производителей), небезызвестный «Союзконтракт» и др.) Вместо традиционных трех корон могла находиться одна - Генеральный Страховой Пенсионный Фонд, ресторан «Царицыно», ФЭС.

На груди этих странных орлов вместо цита располагаются различные аббревиатуры - почему-то латинскими буквами, но с русским прочтением слова «Находка», ГСПФ - Генеральный Страховой Пенсионный Фонд, РК Российская Компания, АО - Акционерное общество, буква «М» - Москва, РВК - Российская Внешне Торговая Компания. Иногда это могут быть щитки любой формы - традиционной, круглой, какой-либо другой, иногда картуши. В них изображаются церковный купол, ключи. Акционерный Славян-

ский Банк поместил на груди своей эмблемы два скрещенных жезла Меркурия, а над ними раскрытую книгу. В лапах у этих новых орлов могут находиться также разнообразные, но далекие от канонических, предметы - оливковые ветви и стрелы (Союзконтракт), гусиное перо и раскрытая книга (Международная Академия Бизнеса).

Некоторые организации использовали лишь концепцию государственного герба, но совершенно отказывались от его традиционного изображения, делая своего орла объемным, специально непохожим (Федеральный Фонд программы жилья), другие брали лишь его часть - две орлиные головы в эмблеме биржи «Российская Бумага». Но более всего удивила корпорация «Триада» (продажа, покупка квартир), которая сделала орла не двух- а трехглавым, вложив ему в лапы, тем не менее, скипетр и державу.

Таким образом, даже краткий анализ и обзор попавших в поле зрения автора эмблем различных гражданских организаций начала 90-х годов показывает нам авантюренность, изобразительную и правовую безграмотность в использовании государственной эмблемы. Вторым наиболее ярким примером внедрения государственного орла, является его появление в такой консервативной и кастовой части нашего общества как армия. При этом, чтобы активно не задевать чувства у многих, еще служивших при советской власти офицеров пошли по линии своеобразного нейтрального симбиоза, оставив звезды, прежде всего в кокарде, но выше, на тулье фуражки прикрепив государственного двуглавого орла, а на правый рукав водрузив шеврон с изображением национальных русских цветов. Такие же странные сочетания звезды и двуглавого орла наблюдается и в проекте новых маршальских погон, где ближе к внешнему краю погона мы видим вышитую звезду, а в середине двуглавого орла. Сейчас эти офицерские атрибуты стали нам несколько привычнее: в начале же кампании эта неестественность обращала на себя внимание и нравилась далеко не всем (как противникам так и сторонникам того или иного знака). Постепенно, государственная символика обновленного государства приходит в части, на боевую технику, но возникает вопрос - почему у всех армейских подразделений по-прежнему остаются красные знамена с советской символикой. Ответа почему-то нет.

Как известно, в прошлом, государственные орлы играли значительную роль в архитектурном облике города. Они служили неотъемлемой частью городского пейзажа, его украшением. Затем они были сняты со своих мест и уничтожены. Сейчас приходит (правда еще довольно робко) новая волна монументального оформления при помощи государственных орлов, где приоритет за Коломенским музеем- заповедником в Москве; именно там недавно над Посадскими воротами была установлена новая фигура, взамен бывшей на этом же месте, но утраченной.

По такому же пути пошел и Государственный исторический музей, восстановив своих орлов на башенках основного здания. Неплохо смотрятся двуглавые орлы и на Ивенских воротах. 4-х тонный герб нашей страны (работа З. Церетели) установлен и на фасаде правительственного здания -

Белого дома. Однако Федеральные власти, на наш взгляд, довольно слабо внедряют и пропагандируют обновленную государственную эмблему; особенно это ощущается в Кремле, где сплошь и рядом наблюдаешь весьма странное сочетание старого и нового. В частности, многие атрибуты жизни и быта президента изготовлены на базе государственного герба, но на кремлевских башнях уже на втором сроке его правления - по прежнему красные звезды, место которым в музее. Это давно уже не вопрос истории, а вопрос политики и промедления здесь не может быть. Более того, оно непонятно и необъяснимо, как необъяснимо примирение исполнительной власти с давним неприятием Государственной Думой всех законов о государственной символике. Правительство считает, видимо, это второстепенным вопросом, не подозревая, что Государственная геральдика не должна носить временный, сиюминутный характер и президентскими указами здесь уже не обойдешься. Они сыграли свою роль, давно пора переходить к главному - закону о государственных цветах и гербе и добиться его принятия.

Многие ученые, которые посетили выставку государственного орла в Кремле, с неудовольствием отметили один музейный экспонат - царские стремена, на которых государственный орел выгравирован с внутренней стороны и получалось, что царь сапогом, вдев его в стремя, топчет и попирает государственного орла. Пример этого весьма сильный и даже самыми разумными доводами и объяснениями психологический осадок у зрителя не снимешь. Безусловно, это происходило от отсутствия геральдической культуры в России, но это в прошлом, а что мы скажем о некоем АО «Строительный Дом», который в prospect своих услуг вставил изготовление наборного паркета в виде государственного герба, и каждый может теперь поплясать по полу, состоящим из нашего герба. Моральные же претензии заказчику и исполнителю, если мы вознамеримся предъявить их, будут ими просто непонятны, т.к. в стране давно отсутствует геральдическая культура. Необходим Закон, регламентирующий использование государственных символов, и именно ученые должны заняться его проведением в жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Соболев Л.** Капитальный ремонт. Л., 1934. С. 258-269. (Автор просит извинения у читателя за столь длинную цитату, но она была необходимой для показа авторской концепции раскрываемой им темы.

² Красный Слон. Екатеринослав, 1926. № 5-6.

³ Красный Ворон. 1923. № 15 (30).

⁴ Там же. 1923. № 12 (32).

⁵ Вырезка в архиве автора без выходных данных.

⁶ Пламя. 1920. № 16. Октябрь.

⁷ Смена. 1992. 2 апреля.

⁸ Независимая газета. 1992. 17 января.

⁹ Известия. 1991. 27 декабря.

¹⁰ Московский Комсомолец. 1997. 30 апреля.